

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

Г. С. Сковорода и И. Г. Гердер

О, когда бы мне в дурни не пошиться,
Дабы вольности не мог лишиться

Г Сковорода

И вольность в обличье человеческом
принесла благородные плоды.

И Г Гердер

По всей вероятности, Григорий Саввич Сковорода и Иоганн Готфрид Гердер никогда не слышали друг о друге. Их разделяли расстояния и национальные культуры, но не время и не философские пристрастия. Разными путями придя к своим убеждениям, оба мыслителя оказались сотрудниками в деле утверждения просветительского гуманизма в Восточной Европе XVIII в.

Старше Гердера на двадцать с лишним лет, Сковорода достиг расцвета творчества в одно с ним время — в 1780-х гг., и Гердер только на девять лет пережил его. Не станем задерживаться на том значении, какое оба просветителя имели для своих стран, хотя, конечно, в этом есть различия: Гердер, скорее, завершил собой историю просветительской мысли в Германии, Сковорода, напротив, стоял у начала украинского Просвещения и у основ национальной культуры Украины; впрочем, он был духовным спутником русского Просвещения почти на всем его пути — от пребывания в Петербурге и Москве в 1740—1750-х гг. до посмертной публикации стихов в «Приятном и полезном препровождении времени» (1798, ч. 20).

Оба они — лютеранский пастор и выученик Киево-Могилянской академии были знатоками богословия и горячими поклонниками библейской поэзии, и оба энергично боролись против церковной схоластики, желая сделать христианскую мысль светской. Оба посвятили многие годы рационалистическому объяснению Библии, которая представлялась им сложнейшим иносказанием божественной мудрости; Гердер совершенствовал к тому же при этом свой историзм. Эта их работа вливалась в общий процесс освобождения литературы и философии от власти теологии, совершавшийся в Европе от Ренессанса до эпохи барокко и захвативший в России и на Украине часть эпохи Просвещения.¹ Но и Сковорода и Гердер соединяли обновление литературы с обновлением богословия, не отрывая отношения человека к миру от отношения его к Богу.

Обоим мыслителям был в высшей степени присущ идеалистический монизм — понимание мира как единого, целесообразного, до деталей продуманного.

¹ О секуляризации литературы см. Лихачев Д. С. Заключение // История русской литературы В 4 т. М., 1980. Т. I. С. 458—459.

манного и хорошо организованного целого. Этот взгляд Гердер отстаивал в трактате «Бог» (1787), объединяя аргументацию Б. Спинозы с теодицеей Г. В. Лейбница и Хр. Вольфа: «В творении все — взаимосвязь, все — поря-док».² Тогда же в сборнике «Сад божественных песен» (1753—1785) Сковорода воспел систему Н. Коперника:

Бог есть лучший астроном,
Он наилучший агроном
Мать блаженная натура
Не творит ничто же сдура
(Песня 28-я)³

И Гердера и Сковороду одинаково обвиняли в спинозизме — и не без оснований. Третий из приведенных выше стихов автор комментировал совершенно в духе Спинозы: «Блаженная натура есть имя Господа Вседержителя» (1, 66). Имя Спинозы — вместе с именами Лейбница, Платона и Шафтсбери — назвал Гердер в трактате «Бог». Эти мыслители несомненно были известны Сковороде (о Шафтсбери можно говорить, однако, лишь предположительно). В Киеве философ прошел в 1730—1750-х гг. основательную школу старой и новой философии; в середине века преподаватели академии знакомили аудиторию с Хр. Вольфом.⁴ Один из излюбленных образов Вольфа — представление о Вселенной как о самой совершенной «машине» — появился в трактате Сковороды «Икона алкивиадская» (1776): «Взгляни теперь на всемирный мир сей как на увеселительный дом Вечного, как на прекрасный рай из бесчисленных садов, будто венец из веночков, или машинище из машинок составленный. А я вижу в нем единое начало, так, как один центр и один умный циркуль во множестве их» (2, 16). С подобной же картины Вселенной начинается известная книга Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791): «Теперь я вижу: пространство, занимаемое Землею в храме Солнца, путь, который проходит она, вращаясь вокруг Солнца, масса Земли и все, что зависит от нее, — все это определено законами, действующими во всей безмерности вселенной, а потому я не буду бессмысленно яриться против бесконечности, но удовольствуюсь своим местом и буду радоваться, что вступил в такой гармоничный хор бесчисленных существ...».⁵

Этот труд Гердера вел читателя от картины солнечной системы через естественную историю Земли к истории рас, народов, государств и цивилизаций, все время сохраняя мысль о гармонии и единстве мира. Та же самая мысль вдохновляла Сковороду во всем его творчестве. «Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь пронизывает и содержит...», — писал он в «Начальной двери к христианскому добронравию» (1766, новая редакция — 1780), настаивая на «плане» и «вечной симметрии» мира, в который включается человек как «маленький мирок», т. е. микрокосм. В идеале своем «истинный человек и Бог есть то же» (1, 113, 134, 135, 147). Из картины мира, разумно устроенного великим «машинистом», вытекало возвеличение человека, выходившее уже за рамки православной доктрины. Впрочем, и Гердер настоятельно протестантских теологов, когда в «Древнейшем памятнике челове-

² Herder J. G. Samtliche Werke / Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1877—1913. Bd 16. S. 557 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы, перевод автора статьи).

³ Сковорода Г. С. Соч. В 2 т. М. 1973. Т. 1. С. 66 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы).

⁴ См. Чижевский Д. Философия Г. С. Сковороды. Варшава 1934. С. 207—208.

⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А. В. Миханова. М. 1977. С. 14.

ского рода» (1774) заявил, что «мы едины сами в себе, с Богом и с Природой...» (7, 144).⁶

Человек, проблемы личности составляли одну из главных, если не самую главную, тему сочинений Сковороды. В «Начальной двери», прибегая к причудливой этимологии в стиле барокко, но в духе Просвещения, он писал о светоносности человеческого разума: «...у тевтонов человек нарицается менш, сиречь тень, то есть ум; у эллинов же нарицается муж — фос, сиречь свет, то есть ум» (1, 128). По-новому осмысливалась и полущитата из Евангелия от Луки (17:21) «Царствие Божие внутри нас», много раз повторенная в произведениях украинского философа как логическое следствие из понимания человека как микрокосма (1, 111; 2, 208, 265, 301, 313, 315). Как известно, эта идея стала через столетие излюбленной мыслью Льва Толстого. Следуя путем тех же самых умозаключений, к ней пришел и Гердер. Рай Божий «живет еще в сердцах наших» — парафразировал он эту мысль в «Древнейшем памятнике», а в прибавлениях к этой работе шел еще дальше, заявляя, что «человек определенным образом есть собственный свой бог на земле: жребии судьбы, смерть и жизнь лежат перед ним на выбор; он не скот, но образ Божества» (6, 64). Из этих слов можно было делать и социальные выводы — о необходимости свободы для нормального развития человечества, как сделал это сам же Гердер в IV и VIII книгах своих «Идей», или как сделал это А. Радищев, один из русских читателей Гердера.⁷ Сковорода, ссорившийся с монахами и проведший четверть века в вольных странах, так же ценил независимость и свободу, прежде всего свободу личную. Особенно ясно эта жажда вольности выразилась в его поэзии («Ах, поля, поля зелены!», «De libertate» и т. п.). В философских же сочинениях подчеркивалась основа свободолюбия — внутренняя свобода личности, самопознание и «душевный мир» (например, в диалоге «Кольцо», 1773—1774). «Бренный кумир ограничен, заключаем теснотою. Духовный же человек свободен. В высоту, в глубину, в широту летает беспредельно. <...> Провидит отдаленное, прозирает сокровенное, заглядывает в прежде бывшее, проникает в будущее, шествует по лицу океана...» («Жена Лотова», 1780—1788) (2, 47).

В одном из писем 1779 г. Сковорода сжал свое мнение о ценности индивидуума в афоризм «Человек есть сердце» (2, 317). Это была существенная поправка к вольфианскому рационализму, сделанная, скорее, в традициях католического барокко и протестантского пиетизма и совпавшая во времени с нарастанием сентименталистских тенденций в немецкой и русской культуре.⁸ На таком понимании личности основывались и педагогические принципы Сковороды, его учение о «законе сродностей» как о необходимости естественного и свободного развития способностей человека. Взгляды Сковороды органически соединяли в себе педагогику рационализма (Ф. Бэкон, Хр. Вольф) и восторженное приятие естественных богатств души и ее интимного союза с Богом, свойственное так называемому немецкому

⁶ Ср. Werner A. Herder als Theologe. Ein Beitrag zur Geschichte der protestantischen Theologie. Berlin, 1871; Лебедев А. Г. С. Сковорода как богослов // Сб. Харьковского Историко-филол. об-ва 1896. Т. 8. С. 37—42.

⁷ См. Bittner K. J. G. Herder und A. N. Radišev // Zeitschrift für slavische Philologie 1956. Bd. 25. H. 1. S. 8—53.

Напомним стихи, написанные Радищевым по дороге в ссылку (1791)

Я тот же, что и был и буду весь мой век
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

(Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М. Л. 1938. Т. 1. С. 123)

⁸ Ср. в письме Сковороды 1767 г. «человеческая душа и друг вне всякого сомнения ценнее всех вещей» (2. 271).

«мистицизму» XVII в., предшественнику пиетизма и розенкрейцёрства (Я. Беме).⁹ У Сковороды сложился своего рода культ Личности, поставленной выше остальных земных ценностей. Это ставит украинского мыслителя и поэта в тот ряд российских писателей, которые отстаивали личностное начало, придерживались в литературе персоналистской линии, в общем мало свойственной тогда русской культуре.¹⁰ Из его современников это — Г. Р. Державин и А. Н. Радищев, и примечательно, что оба были внимательны к сочинениям Гердера. Однако от всех их Сковорода, не знавшего забот о национальном государстве, отличала высокая степень просветительского космополитизма: «Без Бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечество: везде ему и всегда добро. Он добро не собирает по местам, но внутри себя носит оное. Оно ему солнце во всех временах, а сокровище во всех сторонах», — писал он в примечании к одной из своих «басен харьковских» («Щука и Рак», 1774) (1, 98). Ранее: «Единый дух веры оправдает и племя, и страну, и время, и пол, и чин, и возраст, и разум» («Беседа, нареченная Двое, о том, что блаженным быть легко», беседа 2-я, 1772) (1, 293).¹¹

Подобные мысли встречаются в «Идеях» Гердера: в конце книги VIII человек противопоставлен государству. «Если мы люди, — считает Гердер, — давайте возблагодарим Провидение за то, что оно отнюдь не в государстве положило конечную цель человечества! <...> Если есть счастье на Земле, то оно в каждом чувствующем существе...».¹² Но в своей книге Гердер занимался главным образом другим — историей народов, формированием наций, формами государственного правления, словом, скорее человечеством, чем человеком. Эти вопросы мало занимали Сковороду. Он сосредоточился на Человеке.

Космополитизм украинского философа вовсе не исключал его нежной любви к родине, лежавшей по обоим берегам Днепра («мать моя, Малороссия и тетка моя, Украина») (2, 277). Его мировидение, его стихотворная и прозаическая речь были проникнуты духом рождающейся, формирующейся украинской культуры, в которой патриотизм стал звучной нотой. В притче «Убогий Жаворонок» (1787) Сковорода перенес на Украину мифологический сюжет о пришествии Астреи — олицетворения истины и справедливости. И именно в эти годы 1787—1791 Гердер работал над IV частью «Идей», в которую вошла известная глава (кн. 16, гл. 4), посвященная славянским народам. В ней Гердер предсказал восточным славянам в «прекрасных областях земли», расположенных «от Дона до Мульды», пробуждение от «долгого тяжелого сна»,¹³ чутко предчувствуя хозяйственный и культурный подъем родных мест Г. Сковороды. Раньше, в путевом дневнике 1769 г., он пожелал Украине расцвета Древней Греции.¹⁴ Les beaux esprits se rencontrent.¹⁵

⁹ См., в частности Čiževskij D Jacob Boehme in Rußland // Čiževskij D Aus zwei Welten 's-Gravenhage, 1956 S 207

¹⁰ О замедленном развитии личностного начала в русской литературе до середины XVIII в см Лихачев Д С Заключение С 462

¹¹ Ср « я исхожу из пользы для всего человеческого рода, ибо отечеством считаю небо а всех благомыслящих людей — его гражданами » (из письма Г В Лейбница к Петру I от 16 января 1712 г.) (цит по Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9 — 17 Jahrhundert München, 1985 S 413)

¹² Гердер И Г Идеи к философии истории человечества С 226, 227

¹³ См Там же С 470—472

¹⁴ См Гердер И Г Избр соч / Пер под ред В М Жирмунского и Н А Сигал М Л 1959 С 324

¹⁵ Проницательные умы сходятся (франц)